

Шутник

ПОСЛЕДНЮЮ ЧАСТЬ "ШВЕЙКА" ОН ДИКТОВАЛ – сам уже не мог писать. Зрение ослабло, руки слушались плохо, мучили головные боли. Ему было всего 40, а выглядел он на 70. Сказался тиф, перенесённый в России; сказала, что греха таить, бурная молодость с месяцами беспробудно-бесшабашного весёлого пьянства, сказала усталость от бешеной литературной работы. "Типертонический нефросклероз", – говорили врачи и качали головами. Выполняя свой долг, они лечили этого человека, симпатий к которому не питали: перебежал к русским, вступил в партию большевиков, служил в Красной армии!

Последние страницы "Швейка" конспективны, сухи, в них нет блеска и юмора. Ярослав Гашек умирал. Прощался с героем и читателями. Выполнял свой авторский долг.

Чех Гашек любил родную Чехию, а Австро-Венгерскую "двуединую" империю, поглотившую его родную страну, открыто презирал и ненавидел. Отказывался признавать какие-либо положительные австрийской государственности. Но против жизненной правды не шёл. Самый симпатичный из персонажей второго плана, поручик Лукаш, и самый смешной и тупой урод подпоручик Дуб – оба чехи. А с австрийков полковника Шрёдера, капитана Сагнера и генерала Финкеля что ж взять...

ГАШЕК – ЕДИНСТВЕННЫЙ ИЗ ЕВРОПЕЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, кто сумел совладать с абсолютно свободной романной формой. Ведь в "Бравом солдате Швейке" нет даже сюжета. Придумав официального идиота Йозефа Швейка, автор просто дал ему возможность болтать всё, что в голову взбредёт. В итоге получился роман из цепочки новелл-рассказов, нанизанных на слабую скрепу – путешествие маршевой роты 91-го Будейовицкого полка на фронт.

Многое, очень многое отчётливо видел беспутный гуляка, газетный фельетонист, автор уморительно смешных рассказов, любитель рискованных шуток и розыгрышей – Ярослав Гашек. Видел, что первые годы XX века – это не более чем затянувшаяся агония века XIX; что с потрескавшихся фасадов тысячелетних империй угрожающе сыплются штукатурка и позолота, что напуганная толчками неведомой новизны Европа, затеявая войну, поступает по пословице – поджигает дом, чтобы избавиться от тараканов.

Умирать в окопах за императора Франца-Иосифа Гашек не хотел. Может, потому и примкнул к большевикам, что поверил в их обновленческое мессианство.

Примкнуть-то примкнул. Но не очень прижился. Быстро отрезвел в красном вертепе и уже в 1920-м с трудом вернулся домой. Дома его встретили свистом и проклятиями. Оправдаться перед потомками можно было только великой книгой. И он её написал.

Андрей Кротков